

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ПРОБЛЕМА КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Казарова Татьяна Викторовна

профессор кафедры логики, философии и методологии науки
Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева;
доктор философских наук, профессор (г. Орел, Россия)

Религия является неотъемлемой составляющей каждой национальной культуры, точнее ее прошлого. В настоящее время религиозный ренессанс характерен, прежде всего, для стран, находящихся в состоянии политического кризиса и социально-экономической нестабильности. Поэтому закономерно, что активизация деятельности религиозных институтов наблюдается именно там. Почти любое общество современного мира является полиэтничным и поликонфессиональным, и государство сталкивается с проблемой позиционирования в отношении церкви (или конфессий). От религиозной политики государства, в котором начался религиозный ренессанс, зависит историческая перспектива нации, особенно если нация не является консолидированной.

Целостность современной России обеспечивает, прежде всего, государство. Все безуспешные попытки сформулировать, а точнее «придумать» национальную идею доказывают критическое состояние нации. Необходимость найти некоторые «духовные скрепы» для российского общества стало, наверное, важнейшей причинной того, что возникшее еще в 90-е гг. обращение политической элиты к религии, спустя 20 лет превратилось в довольно тесный альянс государства и РПЦ. В результате сегодня набирает силу процесс, получивший название в социологии – «десекуляризация» (П. Бергер) или «контрсекуляризация» (В. Карпов). Насколько этот процесс действителен, существуют разные точки зрения. Так, по замечанию известного религиоведа В.И. Гараджи, в истории России автономия мирской сферы утверждалась не посредством

секуляризации, а на основе идеи цезарепапизма, т.е. признания первенства светской власти [1, с. 283]. Однако в рационально и научно ориентированных кругах российского общества нарастает критика активного сотрудничества государства и РПЦ. Для этого есть основания. В частности, Патриарх Кирилл в качестве одной из первоочередных задач Церкви обозначил усиление ее влияния на общество. По его словам, «деятельность Церкви теперь нужно оценивать не только по числу храмов и монастырей, но и по влиянию, которое Церковь оказывает на жизнь людей и общества» [2]. РПЦ сегодня присутствует почти везде: в СМИ, в системе среднего и высшего образования, в армии, в тюрьмах. Возвращение религии в публичное пространство, по мнению специалистов, является признаком контрсекуляризации. С другой стороны, как показывают эмпирические исследования, возрождение православия в России носит скорее внешний и формальный характер. Массовое посещение церкви на Рождество или в Пасху, участвовавшие обряды крещения младенцев и отпевания усопших – некоторая дань традиции и вместе с тем уже чуть ли не мода, способ сохранения культурной идентичности в условиях глобализации и одновременно средство психотерапии. Есть основания полагать, что в обыденной жизни основная масса современного российского населения живет по законам рынка, а лишь немногие – по заповедям Христа.

В поликонфессиональной России государство вынуждено учитывать значимость и интересы второй крупной религии – ислама. Поэтому в исконно русских городах, где ныне проживает большое число представителей ислама, строятся мечети, при которых открываются медресе, разрешается (с некоторыми ограничениями) публичное проведение мусульманских праздников, а в интернет-пространстве существует наряду с православными изрядное количество исламских сайтов. И это не говоря об интенсивном возрождении ислама среди тюркоязычного населения России. Кстати, мусульманское сообщество в России (и не только) лучше знает заповеди собственной религии. Ислам, формируясь как религия единого государства, предложил человеку список норм и ритуалов, где четкость и обязательность предписаний весьма сближает их как с нормами традиции, так и с юридическими законами. Но именно поэтому формальное соблюдение религиозных норм в мусульманской культуре важнее, чем их мотивация. Следовательно, уровень действительной религиозности в мусульманской среде фиксировать непросто.

Отношение власти к исламу политкорректно и одновременно настороженно по известным причинам. Вероятно поэтому, а вовсе не из-за численного преимущества православных, акцентируется значение христианской веры для будущего расцвета России. Это не могло не остаться незамеченным как в научных кругах, так и в мусульманском сообществе. О том, что власть активно сотрудничает с РПЦ и материально поддерживает церковь, что представители российской власти во главе с президентом публично демонстрируют свою причастность к православию, пишут дагестанские исследователи М.Я. Яхьяев и Е.Г. Камышова [3, с. 17]. Их коллеги объясняют политизацию ислама (точнее, рост экстремизма) тем, что «мусульмане не находят правильного применения в общественно-политическом поле, когда их со своими запросами и претен-

зиями на участие в общественно-политической деятельности выталкивают на периферию общественной жизни» [4, с. 110].

Следствием российской религиозной политики является такой феномен, как рост религиозной идентификации. Более 80 процентов россиян, в том числе и половина неверующих, *заявляют себя православными*, отмечает В. Карпов [5, с. 147]. В обществе, где, как писала Ю. Синелина, «не развивается гражданская составляющая идентичности», где нет «определения четких гражданских оснований консолидации общества» [6, с. 29] возрастающее влияние религиозной и этнической идентификации может стать опасным. В отличие от Белоруссии, где нация (культурно-политическая и духовная общность) существует, в России ее нет. В отличие от российской, политическая элита Белоруссии занимает нейтральную религиозную позицию, а взаимоотношение с основными конфессиями (православием и католицизмом) строит на основе политического прагматизма. Нация – условие существования государства. Не армия, не чиновники, не полиция являются фундаментом государства, а народ – в своей сплоченности, в единстве. Расширение религиозной идентификации в российском обществе, провоцируемое, в первую очередь РПЦ при попустительстве власти, не способствует формированию этого единства.

Балканская трагедия XXI в. уже продемонстрировала опасную роль религиозного фактора в условиях политического кризиса. Распад Югославии следует объяснять не только внешним воздействием со стороны Запада и иными существенными политическими обстоятельствами, но и сохранявшейся этно-конфессиональной и религиозной идентификацией. Первыми, кто начал антигосударственные выступления, были мусульмане Косово. Первыми из состава СФРЮ вышли католические Словения и Хорватия, а вслед за ними мусульманская Босния и Герцеговина. Самые жестокие бои шли на границе Хорватии и Боснии, Боснии и Сербии и т.д. Даже если, будем надеяться, в России не произойдет массовых межрелигиозных столкновений, то в отсутствии консолидации общества (которая невозможна при доминировании религиозной идентичности) – она останется объективно слабым государством.

Литература

1. Гараджа, В.И. Социология религию. – М. : ИНФРА-М., 2007 – 348 с.
2. Цит. по материалам сайта «Православие.ру» / http://www.pravoslavie.ru/news/29_612.htm.
3. Яхьяев, М.Я., Камышова, Е.Г. Власть и религия в современной России: метаморфозы взаимодействия // Исламоведение. Серия «Политика и политические науки». – 2013. – № 1.
4. Алиева, Д.А. Особенности политизации ислама в современном Дагестане // Власть. – 2014. – № 10.
5. Карпов, В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, Церковь. – 2012. – № 2.
6. Синелина, Ю.Ю. Религия в современном мире // Эксперт. – 2013. – № 1.